

ЛЕЙБНИЦЪ

И

ЕГО ВѢКЪ.

Didici in mathematicis ingenio, in natura experientia, in legibus divinis humanisque auctoritate, in historia testimoniis nitendum esse.

Leib.

СОЧИНЕНИЕ

Владиміра Горьо.

Cherry H. Kent

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА, У ВЛАДИМИРСКОЙ, Д. № 15.

1868.

Phil 3552, 415

Phil 3552, 415

✓

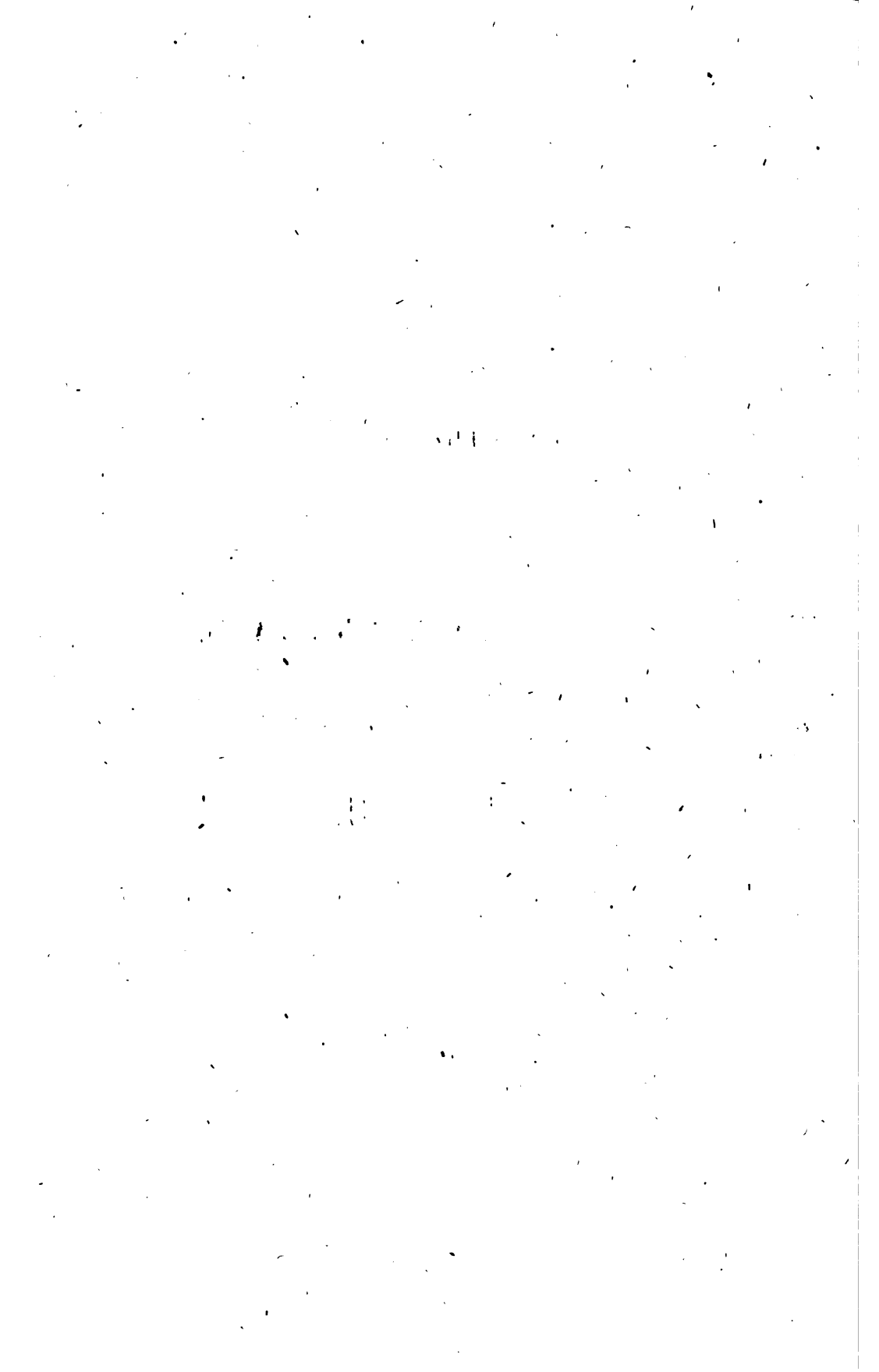
Don't know

ПАМЯТИ

ТИМОФЕЯ НИКОЛАЕВИЧА

ГРАНОВСКАГО.

Онъ пользовался слишкомъ короткое время преподаваніемъ Грановскаго, чтобы имѣть право причислять себя къ его ученикамъ. Но такіе люди, какъ Грановскій, пріобрѣтаютъ учениковъ не однимъ только преподаваніемъ. Имя Грановскаго сдѣлалось знаменемъ въ трудную, но славную эпоху Московскаго университета. Двѣнадцать лѣтъ прошло послѣ его смерти и много совершилось съ тѣхъ поръ перемѣнъ. Великія реформы нашего времени коснулись также университетовъ и дали имъ полную свободу и самостоятельность. Но высокія нравственныя свойства, которыми обусловливалось вліяніе Грановскаго и которыя оставили послѣ себя такую неизгладимую память, въ настоящее время не менѣе необходимы, чѣмъ тогда, — честное отношеніе къ наукѣ, искреннее участіе къ ея интересамъ и теплая, непоколебимая вѣра въ силу истины и нравственныхъ началъ. Только нравственныя начала могутъ дать жизнь уставамъ, только тогда можетъ процвѣтать наука, когда она служитъ сама себѣ цѣлью, когда она дороже и священнѣе всѣхъ другихъ интересовъ.

Вліяніє людей, служившихъ всю жизнь идеѣ, не прекращается съ ихъ смертію. Дѣятельность ихъ становится преданіемъ, память о нихъ — нравственной силой. Грановскій надолго связавъ свое имя съ исторической кафедрой въ Московскомъ университетѣ. Занявъ эту кафедру, я желавъ посвященіемъ моего труда его имени заявить, что свѣжо еще преданіе о немъ въ Московскомъ университетѣ и жива его память.

ВВЕДЕНИЕ.

Я имѣлъ намѣреніе изложить вліяніе нѣмецкой философіи на пониманіе исторіи и на исторіюграфію, и уже окончилъ нѣкоторыя части моего труда; но принявшись за Лейбница я остановился на немъ съ особеннымъ интересомъ. Правда, Лейбницъ не создалъ особаго ученія о философіи исторіи, и у него можно встрѣтить только нѣсколько основныхъ мыслей о философскомъ ея построеніи; но чтобы выяснитъ эти мысли нужно было подвергнуть подробному изученію всю его дѣятельность, вслѣдствіе чего то, что должно было быть эпизодомъ, получило размѣры отдѣльной монографіи.

При этомъ первоначальная задача — указать вліяніе Лейбница на философію исторіи — мало по малу уступила мѣсто другой болѣе обширной — выяснитъ вообще значеніе Лейбница въ исторіи. Не много можно назвать ученыхъ или философовъ, біографія которыхъ представляла бы такой важный историческій интересъ. Лейбницъ игралъ видную роль въ великомъ переворотѣ, совершившемся съ XV вѣка по XVII и отдѣляющемъ новое время отъ среднихъ вѣковъ, и біографія его можетъ много содѣйствовать къ поясненію какъ свойствъ этого переворота, такъ и различнаго характера упомянутыхъ историческихъ періодовъ.

Эти два періода рѣзко противоположны другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ: въ религіозномъ, политическомъ и научномъ. Въ религіозномъ отношеніи средневѣковой періодъ ознаменованъ преобладаніемъ церкви надъ всѣми другими интересами. Реформація, отвергнувъ папство, разрушила самое крѣпкое основаніе средневѣковой жизни, но протестантизмъ самъ еще долго сохранялъ теократическій

характеръ, отчего политика, школа и наука въ протестантскихъ странахъ еще болѣе столбтія носятъ клерикальный оттѣнокъ. Послѣ Вестфальскаго мира этотъ клерикальный оттѣнокъ утрачивается. Мѣсто религіозныхъ страстей занимаютъ идеи вѣротерпимости, которыя въ нѣкоторыхъ передовыхъ людяхъ выражаются въ стремленіяхъ къ примиренію и объединенію церквей. Лейбницъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поборниковъ сліянія христіанскихъ церквей. Онъ вноситъ въ политику идеи прогресса и цивилизаціи. Въ прежнее время религіозное вліяніе на политику сильнѣе всего высказывалось въ борьбѣ съ магометанами. Лейбницъ съ жаромъ отстаиваетъ необходимость освободить Востокъ, изгнать Турокъ изъ Европы, но на первомъ планѣ у него стоятъ при этомъ интересы цивилизаціи.

Въ политическомъ отношеніи средневѣковой періодъ отличается отъ новаго тѣмъ, что онъ не знаетъ государства. Это эпоха медленнаго образованія государства и борьбы монархическаго начала съ феодализмомъ и сословіями. Въ XVII вѣкѣ эта борьба была окончена. Европейскія государства ясно выдѣляются и вступаютъ другъ съ другомъ въ соперничество. Самое сильное изъ нихъ старается подчинить себѣ остальные. Слабыя государства ищутъ себѣ гарантіи въ союзахъ и въ общественномъ мнѣніи. Возникаетъ обширная политическая литература. Является потребность въ установленіи международнаго права. Лейбницъ одинъ изъ первыхъ сознаетъ важность европейской публицистики. Онъ становится во главѣ публицистовъ, которые ратуютъ противъ преобладанія Франціи, противъ стремленій Людовика XIV къ универсальной монархіи. Онъ старается вести эту борьбу на твердыхъ основахъ и борется во имя европейскаго равновѣсія и общихъ интересовъ европейскіхъ народовъ.

Если такимъ образомъ дѣятельность Лейбница тѣсно связана съ исторіей Европы, то она имѣетъ еще большее значеніе для исторіи его отечества, Германіи. Біографія его знакомитъ насъ со всѣми важными событіями въ исторіи Германіи во второй половинѣ XVII вѣка. Лейбницъ вноситъ въ науку тѣ измѣненія въ государственномъ правѣ Германіи, которыя повлекла за собой политическая самостоятельность ея князей. Онъ принимаетъ

участіе въ попыткѣ политической реформы Германіи посредствомъ Рейнскаго союза. По біографіи его можно прослѣдить постепенное возвышеніе Ганноверскаго дома, а въ концѣ ея мы встрѣчаемся съ усиленіемъ Пруссіи, имѣвшемъ такое великое значеніе для судебъ Германіи.

Въ области науки переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени совершался еще медленнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ. Гуманизмъ и болѣе близкое знакомство съ классическимъ міромъ произвели переворотъ въ духовной жизни западныхъ народовъ. Но этотъ переворотъ не имѣлъ еще своимъ слѣдствіемъ полного перелома. Гуманизмъ вызвалъ филологическія и историческія занятія, развилъ литературный и эстетическій вкусъ, расширилъ кругъ политическихъ и нравственныхъ понятій, внесъ въ школьное и университетское образованіе больше зрѣлости и научности. Но онъ не измѣнилъ основы этого образованія, ибо не могъ подорвать значенія схоластической философіи, такъ какъ эта философія сама отчасти опиралась на классическую почву—на ученіе Аристотеля.

Схоластика могла быть совершенно вытѣснена только кореннымъ преобразованіемъ воспитательнаго и научнаго метода, только внесеніемъ въ школу и науку реальныхъ элементовъ. Это преобразование было совершено великими математическими открытіями, на которыхъ основывалась новая философія. Въ этомъ пораженіи схоластики посредствомъ математики, въ этомъ преобразованіи научнаго и воспитательнаго метода Лейбницъ игралъ первенствующую роль. Онъ былъ для Германіи тѣмъ, чѣмъ Бэконъ былъ для Англіи, Декартъ для Франціи. Онъ замышлялъ реформу всѣхъ наукъ посредствомъ математическаго метода. Главное основаніе его философіи совпадало съ его великимъ математическимъ изобрѣтеніемъ.

Въ противоположность схоластикѣ, которая отвергнулась отъ дѣйствительности, онъ настаивалъ на постоянномъ примѣненіи науки и теоріи къ практической жизни. Вслѣдствіе этого онъ взаимно университетовъ, въ которыхъ тогда господствовали рутина и схоластическіе приемы, такъ неотступно хлопоталъ объ учрежденіи академій и ученыхъ обществъ, которыя могли бы

открыть пріютъ математическимъ и естественнымъ наукамъ и въ которыхъ теорія шла бы рука объ руку съ практикой.

Изъ всего этого мы видимъ, какъ тѣсно жизнь и дѣятельность Лейбница связаны съ главными вопросами его времени и какъ полезна его біографія для объясненія этихъ вопросовъ.

Этими краткими указаніями я хотѣлъ оправдать выборъ предмета и пояснить цѣль моего труда. Но я вромѣ того считаю нужнымъ доказать его своевременность. Можно спросить, нужно ли было приступать къ новой біографіи Лейбница послѣ превосходнаго сочиненія Гурауера? Біографія Гурауера вышла въ 1846 года, а съ тѣхъ поръ въ двухъ новыхъ изданіяхъ сочиненій Лейбница былъ напечатанъ цѣлый рядъ неизвѣстныхъ сочиненій его, бросающихъ новый свѣтъ на его дѣятельность. Кромѣ того, съ тѣхъ поръ появилось множество статей и монографій о Лейбницѣ, доказывающихъ, что вопросъ о его дѣятельности и значенія далеко еще не исчерпанъ.

Оба издателя Онно Клоппъ и Фуше де-Карель начали съ политическихъ сочиненій Лейбница; хотя изданія ихъ не окончены, они взаимно другъ друга пополняютъ, такъ что мы находимъ въ нихъ почти все, что было написано Лейбницемъ по поводу политики. А именно политическая роль Лейбница была до сихъ поръ всего менѣе разработана и недовольно разъяснена Гурауеромъ по недостатку матеріала. Кромѣ того религиозныя убѣжденія Лейбница и его дѣятельность по вопросу о соединеніи церквей также болѣе выяснились послѣ выхода книги Гурауера, вслѣдствіе изданія переписки Лейбница съ Босеюетомъ, съ Ландграфомъ Эрнстомъ, съ Арндъ и вслѣдствія изслѣдованій Фуше де-Кареля, Бѣка, Перца и др.

Навонецъ, предлагаемый трудъ оправдывается тѣмъ, что я поставилъ себѣ другую цѣль, чѣмъ Гурауеръ. Мнѣ хотѣлось описать жизнь и дѣятельность Лейбница въ связи съ его вѣкомъ и съ современнымъ ему обществомъ. Біографія Лейбница должна была познакомить меня ближе съ XVII вѣкомъ и въ то же время изученіе этого вѣка должно было пояснить мнѣ значеніе Лейбница. Мнѣ кажется, что только этого метода слѣдуетъ придерживаться

въ біографическихъ сочиненіяхъ, особенно же въ біографіи людей, имѣвшихъ такое громадное вліяніе какъ Лейбницъ.

Но подобный пріемъ представляетъ важныя неудобства. Онъ заставляетъ дѣлать отступленія и вредить единству сочиненія. Я не избѣгалъ отступленій тамъ, гдѣ они казались необходимыми для объясненія дѣятельности Лейбница. Такъ, I-я глава посвящена описанію школъ и университетовъ въ XVII вѣкѣ, чтобы характеризовать обстановку, среди которой развивался Лейбницъ. Во II-й главѣ сдѣлано отступленіе, чтобы описать политическое состояніе Германіи и интересы, среди которыхъ пришлось дѣйствовать Лейбницу. Въ III гл. пришлось остановиться на картезіанизмѣ какъ на господствующей философіи того времени, изъ которой возникло его собственное ученіе Лейбница. Въ остальныхъ главахъ описаны Ганноверскій и Берлинскій дворы и характеризованы тѣ личности, съ которыми Лейбницъ находился въ близкихъ отношеніяхъ.

Одна изъ причинъ, почему я такъ охотно остановился на Лейбницѣ, заключается въ томъ, что изъ великихъ людей Запада онъ стоитъ всѣхъ ближе къ Россіи. Я надѣялся, что удастся найти новый матеріалъ для объясненія его сношеній съ Петромъ Великимъ и его приближенными. Но въ Московскомъ Архивѣ не было ничего замѣчательнаго объ этомъ вопросѣ. Я отнесся къ издателю сочиненій Лейбница Ганноверскому у библіотекарю Онно Клоппу, чтобы узнать, есть ли у него подъ рукой какой-нибудь матеріалъ относительно вопроса, меня интересовавшаго. Но вслѣдствіе занятій Ганновера прусскими войсками, Онно Клоппъ, замѣшанный въ борьбу политическихъ партій, долженъ былъ бѣжать, изданіе его пріостановилось, и я не получилъ удовлетворительнаго отвѣта. Когда мое сочиненіе было почти уже окончено, я узналъ, что за границею находился чрезвычайно интересный матеріалъ. Но такъ какъ для его изслѣдованія необходима поѣздка за границу, то я рѣшился опустить главу о сношеніяхъ Лейбница съ Петромъ Великимъ, въ надеждѣ, что въ непродолжительномъ времени, когда стану излагать ученіе Лейбница, я буду въ состояніи сказать больше о его отношеніяхъ къ Россіи, чѣмъ въ настоящую минуту.

ГЛАВА I.

Воспитаніе Лейбница. Гимнази и университеты въ Германіи въ XVII вѣкѣ.

Происхожденіе Лейбница. — Его семейство. — Протестантизмъ въ XVII вѣкѣ. — Латинская школа. — Отсутствіе реального элемента въ школьномъ образованіи. — Предметы гимназическаго курса. — Методы преподаванія. — Диспуты. — Религіозное воспитаніе. — Наказанія. — Нравы учениковъ. — Лейбницъ восполняетъ чтеніемъ недостатки школьнаго образованія. — Вліяніе классическихъ писателей. — Занятія логикой. — Восприимчивость Лейбница. — Лейпцигскій университетъ. — Студенческій бытъ. — Депозиція. — Пеннализмъ. — Бурсы и стипендіи. — Занятія студентовъ. — Лекціи. — Диспуты. — Университетскія степени. — Церемонія при полученіи докторства. — Пороки студентовъ. — Возникновеніе университетовъ изъ духовныхъ училищъ. — Секуляризація ихъ и подчиненіе правительству въ XVI вѣкѣ. — Ректоръ. — Канцлеръ. — Университетское управленіе. — Контроль надъ профессорами. — Отношенія между университетскими преподавателями. — Профессора ординарные и экстраординарные. — Приватъ-доценты. — Лекціи публичныя и частныя. — Чинопочитаніе. — Занятія профессоровъ. — Отсутствіе специализма. — Доходы профессоровъ. — Костюмъ профессоровъ и студентовъ. — Недостатки профессоровъ. — Нетерпимость ихъ. — Лейбницъ отъ схоластики переходитъ къ изученію классической и новѣйшей философіи. — Лейбницъ въ Іенѣ. — Вейгель. — Математическій методъ и примѣненіе его ко всѣмъ наукамъ. — Занятія и диссертациі Лейбница. — Лейпцигскій университетъ отказываетъ ему въ докторской степени. — Лейбницъ въ Альторфѣ. — Докторство. — Общества алхимиковъ въ Нюрнбергѣ. — Знакомство съ Бойнебургомъ. — Лейбницъ переселяется во Франкфуртъ.

Въ 1746 году, 21-го іюня стараго стиля, у профессора Лейпцигскаго университета Фридриха Лейбница родился сынъ Готфридъ Вильгельмъ, съ жизнью и дѣятельностью котораго мы намѣрены познакомить читателя.

Имя Лейбница — славянское. Онъ самъ на это указывалъ, и въ бумагахъ его найденъ списокъ различныхъ городовъ и мѣстечекъ въ

славянскихъ земляхъ — въ Штиріи, Богеміи, Силезіи, Саксоніи и пр., которые носятъ это имя. Названіе мѣстечка переходило часто къ его жителямъ или владѣльцамъ, и дѣйствительно въ историческихъ памятникахъ нѣсколько разъ упоминается о родѣ Лейбницевъ — familia de Leibniz или dominus Lipnicii. Въ 14-мъ вѣкѣ одинъ архіепископъ Зальцбургскій носилъ это имя. Но какого происхожденія, германскаго или славянскаго, то семейство, въ которомъ родился Г. В. Лейбницъ, неизвѣстно¹⁾. Достоверно только то, что прадѣдъ его, Хри-

¹⁾ Замѣтка Лейбница, найденная въ его бумагахъ, въ которой онъ говоритъ о своемъ славянскомъ имени, подала французскому біографу Лейбница, графу *Фуше-де-Карелю*, поводъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ, которые наши читатели прочтутъ не безъ интереса. Они характеризуютъ способъ изслѣдованія французскихъ ученыхъ и наклонность ихъ къ *широкимъ* выводамъ (*grandes vues*) и эффектнымъ сопоставленіямъ, отъ чего они нерѣдко впадаютъ въ странные промахи. Въ замѣткѣ Лейбница сказано: *Leibniziorum sive Lubenicziorum nomen slavonicum; familia in Polonia, Boh....* Затѣмъ слѣдуетъ пробѣлъ. Издатель полнаго собранія сочиненій Лейбница *Онно Клотъ* (Т. I р. XXXII) говоритъ, что тутъ вырвано 6 строкъ. Послѣ пробѣла идетъ фраза, начала которой недостаетъ. Лейбницъ говоритъ тутъ, что отецъ его, когда ему ничего хорошаго въ будущемъ не представлялось, отправился въ Лейпцигъ по совѣту друзей, которые доставили ему протекцію при Саксонскомъ дворѣ, и пр.. *Фуше-де-Карель* связалъ двѣ фразы, раздѣленные пробѣломъ, и вывелъ изъ этого заключеніе, что отецъ Лейбница былъ Полякъ и переселился изъ Польши въ Саксонію. На этомъ основаніи онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

«Trois éléments concourent à la politique de Leibniz. Deux nous sont connus. Ce sont l'élément germanique et l'élément chrétien, dont la fusion lui coûtait tant de peine et dont il rêvait l'accord impossible par des anachronismes un peu forts comme celui de l'Empereur et du Pape chefs de la chrétienté. Un troisième élément moins connu, et que nous avons découvert, resterait à déterminer et peut dès à présent figurer en ligne de compte dans une certaine mesure. C'est l'élément slave, représenté au dix-septième siècle par Pierre le Grand et Leibniz.

«Leibniz était d'origine slave. Sa famille était venue de la Pologne, et le nom qu'il portait était slave. C'est Leibniz lui-même, qui nous l'apprend dans son autobiographie. Sans vouloir attacher à ces questions de race toute l'importance, qu'on leur donne aujourd'hui, il est curieux de penser cependant que cette gloire de la nation allemande lui est venue de la Pologne, et que ce génie le plus universel des temps modernes appartient à cette race, destinée à renouveler ou à bouleverser le monde. Leibniz eût pu dire à Pierre le Grand, qu'il vit à Torgau et qui lui demanda ses plans pour l'avenir de la Russie: «Notre origine est la même: Slaves tous les deux, vous avez conquis sur la barbarie le plus grand empire du monde; moi j'ai fondé par la science un non moins vaste royaume. Tous deux initiateurs des siècles nouveaux, nous sommes tous deux de cette race, dont nul ne peut prédire encore les destinées». Il eût pu ajouter, en pensant à l'Allemagne, où son père était

стофъ Лейбницъ, жилъ во время реформаціи и былъ назначенъ курфирстомъ Августомъ исправникомъ въ Альтенбургъ, а потомъ казначеемъ въ Пирнѣ. Братъ Христофа, Павелъ, служилъ въ австрійскомъ войскѣ и за храбрость былъ возведенъ императоромъ Рудольфомъ въ дворянское достоинство. Сынъ Христофа, Амвросій, шелъ по слѣдамъ отца; онъ былъ членомъ управления въ городѣ Альтенбургѣ. Амвросій женился на дочери одного Лейпцигскаго патриція, и это родство дало возможность его сыну Фридриху выгодно устроиться въ Лейпцигѣ. Фридрихъ Лейбницъ занимался юридическими и философскими науками въ Лейпцигскомъ университетѣ, сдѣлался практическимъ юристомъ и нотаріусомъ, но въ то же время занималъ при Лейпцигскомъ университетѣ должность профессора морали и былъ членомъ философскаго факультета. Практическая дѣятельность отвлекала его отъ ученыхъ занятій, и онъ извѣстенъ только какъ авторъ нѣсколькихъ программъ и похвальныхъ словъ, которыя, по обычаю того времени, писались по смерти всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ людей.

Онъ былъ женатъ три раза, и отъ перваго брака имѣлъ сына, сдѣлавшагося въ послѣдствіи богословомъ и учителемъ, человека благочестиваго, простаго и довольнаго своею судьбой, и дочь Розину, вышедшую за мужъ за богослова. Въ третій разъ Фридрихъ Лейбницъ женился въ 1644 году, когда ему уже было 47 лѣтъ, на Катеринѣ Шмукъ, дочери извѣстнаго въ то время Лейпцигскаго юриста и профессора. Она рано потеряла своего родителя, воспитывалась въ домѣ своихъ опекуновъ, которые оба были уважаемыми богословами и профессорами въ Лейпцигѣ, и 23-хъ лѣтъ вышла за мужъ. У нея было двое дѣтей: сынъ Готфридъ и дочь Анна, которая въ послѣдствіи вышла за мужъ за пастора Симона Лёфлера, и рано умерла.

Мы видимъ изъ этого, что Лейбницъ по своему происхожденію принадлежалъ къ кругу тѣхъ профессорскихъ и пасторскихъ семействъ, которыя были представителями образованія въ протестантской Германіи, и которыя давали этому образованію, и вслѣдствіе этого всей жизни общества, строго протестантскій характеръ, отличавшій его въ XVII вѣкѣ и видоизмѣнившійся потомъ подъ вліяніемъ рационализма XVIII вѣка.

«...se fixer, et à l'ingrate Leipzig, qui fut sa patrie d'adoption et qui ne sut pas le retenir: Que l'Allemagne soit moins fière; ce n'est pas au génie exclusivement allemand, que j'appartenais en naissant; c'était le génie de la race slave, qui s'éveillait en moi dans la patrie de la scolastique».